

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.18>

Желобцова Светлана Федотовна, Барашкова Светлана Николаевна

Гендерные локации мотива сна в поэтике русской и зарубежной женской прозы

Актуальность темы обусловлена функциональностью сопоставительного анализа произведений русской и зарубежной литературы, её трансграничного контента. Проблема заключается в выявлении текстообразующей роли гендерных локаций мотива сна в поэтике романов. Целью работы является осмысление новейших тенденций мирового литературного процесса. Результатом наблюдений стало раскрытие гендерной мотивации героинь в аспекте русской, западноевропейской и восточной культур. Новизна представленного литературоведческого опыта связана с соотношением разновременных и разностилевых художественных текстов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/2/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 88-92. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Теория литературы. Текстология

Theory of Literature. Textual Criticism

УДК 821.161.1.09

Дата поступления рукописи: 18.01.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.18>

Актуальность темы обусловлена функциональностью сопоставительного анализа произведений русской и зарубежной литературы, её трансграничного контента. Проблема заключается в выявлении текстообразующей роли гендерных локаций мотива сна в поэтике романов. Целью работы является осмысление новейших тенденций мирового литературного процесса. Результатом наблюдений стало раскрытие гендерной мотивации героинь в аспекте русской, западноевропейской и восточной культур. Новизна представленного литературоведческого опыта связана с соотношением разновременных и разностилевых художественных текстов.

Ключевые слова и фразы: Л. Улицкая; К. Вольф; К. Мори; Х. Ган; стиль; жанр; поэтика; гендер; психологизм; женская проза; мотив сна; трансграничная литература; национальные традиции.

Желобцова Светлана Федотовна, к. филол. н., доцент

Барашкова Светлана Николаевна, к. филол. н., доцент

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
beta-sigma-no@mail.ru

Гендерные локации мотива сна в поэтике русской и зарубежной женской прозы

Актуальность темы связана с осмыслением художественного мира гендерной литературы, панорамно представляющей духовную, психологическую, бытовую жизнь женщины в ее глубинных конфликтах, ментальных особенностях, индивидуальном выражении. Новые произведения, непрерывно обновляющие жанровое и авторское пространство, активизируют читательский интерес и литературную критику. Пережив неприятие критикой, возмущенной уродливым фоном протекания семейных разногласий, родственной вражды, измены, предательства, женская проза органично вошла в контекст современной литературы.

Научная новизна исследовательского аспекта основана на необходимости авторского прочтения гендерных локаций сна в произведениях русской, немецкой, японской и корейской писательниц, активно изменяющих читателя. Сюжетные и нарративные текстовые конструкции воспроизводят обычные истины, закольцованные взаимоотношениями в кругу семьи, основанными на уважении, понимании, терпении, прощении. Так, романы Л. Улицкой «Медя и ее дети» (1996) и Киоко Мори «Дочь Шидзуки» (1993) раскрывают драматические последствия для женщины мужского предательства. В произведениях Кристи Вольф «Размышления о Кристе Т.» (1969) и Хан Ган «Вегетарианка» (2007) невозможность реализовать свое «Я» приводит к трагедии. Выбор материала обусловлен давним интересом автора статьи к эстетике женской прозы [1]. Творчество Людмилы Улицкой продолжает оставаться востребованным для критики и читателей, о чем свидетельствует презентация ее нового сборника рассказов «Тело души», ставшего ярким явлением в русской литературе 2019 г. Романы немецкой писательницы Кристи Вольф вошли в золотой фонд европейской классики. Новая геополитическая ситуация позволяет ввести в исследовательское поле имена и произведения писателей стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Отобранные для анализа тексты Киоко Мори и Хан Ган, переведенные на иностранные языки, получили мировую известность. Представленный ряд произведений писательниц соотносим по доминанте мотива сна в авторском формировании поэтики текста, его гендерного содержания.

В статье решаются следующие **задачи**:

1. Определить мотивную роль сна в поэтике анализируемых романов.
2. Рассмотреть трансформацию классификации сновидений в контексте литературных и национальных традиций.
3. Обобщить наблюдения над проявлением творческой индивидуальности в плане гендерной локации.

В системе художественных средств женской прозы важное место занимают сновидения. По мнению авторов, именно они являются кульминационными как в движении сюжета, так и в создании локации цельного психологического портрета. Термин «локация» подразумевает местонахождение объекта, сигнал от которого можно определить при помощи различных инструментов [5]. В нашей статье сон функционирует в качестве сигнала гендерного замысла, становясь основным мотивом поэтики текста. Примечательно, что еще А. Н. Веселовский соотносил «мотив» с различными аспектами художественного произведения. Он писал: «Под мотивом я разумею формулу, отвечающую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся особенно важными или повторявшиеся впечатления действительности...» [2]. Е. М. Мелетинский уточняет, что под мотивом следует подразумевать «некий микросюжет, содержащий предикат (действие), агенса, пациенса и несущий более или менее самостоятельный и достаточно глубокий смысл» [6, с. 117]. Художник сканирует внутренний мир героя, связывая реальное состояние с его ирреальным содержанием, проникая в потаенные желания героинь, расширяя читательские впечатления о персонажах, их яркой и богатой натуре.

Литературоведческая классификация снов в художественном творчестве, являясь, с одной стороны, хрестоматийной, с другой – остается открытой для исследователей. Так, например, Р. Г. Назиров [8], размышляя о снах в романах Ф. М. Достоевского, подчеркивает их этическую природу, выделяя следующие формы: сны-предчувствия, сны-воспоминания, сны-разоблачения и «философские» сны. Рассмотрим знаковость снов в анализируемых романах, учитывая особенности писательской работы с материалом. На наш взгляд, женская природа писательниц вносит дополнительно к вышесказанному гендерный оттенок.

Людмила Улицкая считается одной из ярких представительниц современной русской литературы на Западе. В интервью радиостанции «Эхо Москвы» 7 октября 2000 г. она выделила в своем творчестве основные области ее интереса – область подсознания, в котором живет ее герой, различие между женской и мужской психологией. В романе Л. Улицкой о Медее Мендос, урожденной Синопли, важен сон, в котором к ней приходят ушедшие из жизни близкие, «прожившие» долгое время в другом мире: состарившийся отец, выросшая «розоголовая» девочка, умиротворенная мать. В развитии многоуровневого сюжета сон мистически предопределяет судьбу героини, которой предстоит посвятить всю свою жизнь братьям и сестрам, их детям и все расширяющемуся кругу родственников и знакомых. Сновиденье становится знакомым для тонкой души Медеи, ощутившей даже «чудесный, древний и смуглый» [9, с. 32] запах этого сна. По Р. Г. Назирову, данный сон мог быть отнесен к сну-предчувствию, но писательница не случайно дала героине мифологическое имя Медея, символизирующее мать-детоубийцу. Эмоциональной силой своего характера, страстью натуры она близка мифологической предшественнице, однако энергетика чувств направлена не на отмщение и разрушение, а на сохранение и созидание жизни. Современная Медея Синопли поэтому, будучи бездетной, становится центром большой семьи. После смерти мужа Медее приснился второй знаковый сон, в котором портрет Сталина в руках Самуила превратился в большую фотографию молодой Сандручки – сестры героини. Сновидение натолкнуло ее на тревожные размышления, стершие грань между ирреальным и реальным. Сон становится композиционным центром 11 главы романа, организующим дальнейшее повествование. В годовщину смерти мужа вдова, перебирая в шкафу вещи Самуила, находит в его полевой сумке письмо от Сандры. Так в повествовании естественно появляется новая сюжетная линия, замкнувшая вокруг Медеи ушедшего Самуила, рыжеволосую Сандру и их дочь Нику. Людмила Улицкая обнажает параллель между сном и жизнью. Эстетический образ психологически обосновывается, становится достоверным. И вновь Медея поступает вопреки мифологической традиции – она прощает измену родных и согревает своей любовью Нику, разрушая литературные стереотипы.

Сон Медеи, подобно всем литературным снам, построен на эффекте сходства с действительностью, но финальная сцена прощания, наполненная светлой грустью, в сознании самой героини возносится к идее жертвенной любви. Эстетическое содержание и оценка сна в письме подруги Елены выразительно выявляют его сюжетообразующую роль. Отныне жизнь Медеи реализуется во множестве ее поездок, встреч, расставаний, разговоров, направленных на обустройство жизни ее родственного клана. Органичны в этой связи многочисленные и часто пересекающиеся истории, определяющие новеллистическую структуру романного пространства, объединенные одухотворенностью внутреннего мира Медеи. Авторское отношение к героине ярко проявляется в эпилоге, в котором писательница взволнованно и эмоционально говорит о своей причастности к русским, литовским, грузинским, корейским, афро-американским «потомкам» Медеи: «Я очень рада, что через мужа оказалась причислена к этой семье и что мои дети несут в себе немного греческой крови, Медеиной крови...» [Там же, с. 274]. Переформатирование античного контекста, безусловно, расширяет сон-предчувствие спектрально до сна-провидения, когда 16-летняя девочка увидела свой жизненный путь во времени и пространстве.

Очевидна философичность снов героини романа Кристи Вольф в романе «Размышления о Кристе Т.», которые опираются на подлинные дневники, письма, записки рано умершей от лейкемии подруги рассказчицы. Трагически краткий жизненный путь героини усиливает напряжение авторских раздумий о сути жизни, о силе и слабости человека. Афористичен ее ответ о бесконечности пути к самой себе. Именно в постоянном и противоречивом поиске самого себя видится К. Вольф смысл человеческой жизни. Завязкой сюжета становится появление в классе новенькой, вызвавшей удивление и тайное восхищение рассказчицы своей непохожестью на всех. Криста может просто затрубить в импровизированную трубу, может заставить учительницу следовать своей логике разговора, заплакать над погибшим котенком или птенцом. Став студенткой,

учительницей, а затем женой ветеринара, героиня не перестает удивлять свою подругу и окружающих. Тогда, в первые послевоенные годы, когда все были вовлечены в дело строительства нового общества, Криста «очень рано начала задавать себе вопрос: что же это значит, перемены? Новые слова? Новый дом? Машины? Большие поля? Новый человек, услышала она в ответ и начала вглядываться в себя» [3, с. 70]. Поиск себя – сложное дело. Не все это воспринимают адекватно. Для одних она «малость несерьезная», для других – «страшная». Попыткой закрепить в жизни стало ее замужество, обоснованное твердым решением – «игра в варианты закончилась» [Там же, с. 138]. Первая большая любовь, ученики, раздумья о жизни, казалось, отошли на второй план под натиском действительности, в которой у нее дети, муж и его рогатые пациенты.

«Судьбоносным» сном в романе о Кристе Т. можно назвать первый, упомянутый самим автором, в котором героиня оказывается на технической выставке. Некто, встреченный накануне и названный ею «индусом» и «Клингзором», встречает ее словами: «Пойдем, детка, писатель должен заниматься и смежными науками...» [Там же, с. 69]. Это был сигнал, который она с легкостью пропустила, «но услышанное было услышано» [Там же, с. 85]. Криста умела и любила писать, но так уж сложилась ее жизнь, что писательство не стало ее делом. Попросту она не развила свою способность, тем самым не смогла реализовать себя, что в конечном счете и приводит Кристу к неудовлетворенности жизнью. Тема любви, самопожертвования ради любимого, с одновременной глубокой болью, которую героиня несет в себе, раскрывается в двух снах Кристы. В обоих снах она видит Костю, красивого сокурсника, который, несмотря на любовь к Кристе («Нас подгоняет друг к другу, ты сам видишь, я даже пальцем не шевельнула» [Там же]), уходит к другой, к «беззащитной». Ее последней попыткой как-то состояться стало строительство дома на холме. Структурно роман строится на размышлениях автора-рассказчика над разрозненными записями героини. Собственно, они написаны самой Кристой Т. Записи на листочках, в письмах, дневниках, на конвертах, счетах, ветеринарных рецептах определяют скачкообразный, нехронологический, ретроспективный характер повествования.

Эта прерванная любовь понимается и как несостоявшееся творчество. Смертельная усталость и ранняя смерть героини в этом свете далеки от случайности. Более того, введение в повествование романтических персонажей (гейневского индуса и новалисовского Клингзора), выбранное для дома место (вдали от людей, вокруг лес, рядом озеро, холм, с высоты которого видна даль) закрепляют в сознании читателя образ романтической, одухотворенной женщины. Таким образом, авторская перезагрузка канонических принципов традиционной немецкой романтической литературы меняет философское содержание снов чувственной аурой женщины.

Японский прозаик Киоко Мори в романе «Дочь Шидзуки» экспозицией развития сюжетного действия делает предсмертный сон матери героини, в котором она видит себя «посреди деревенских детей в красных и синих кимоно, ловящих сухие рисовые лепешки, похожие на разноцветные камешки» [7]. Знакомая картина праздника постройки нового дома резко сменяется тревогой за дочь, «которая бегала вокруг сакуры в своем розовом платьице и ловила белые лепестки, разлетающиеся на ветру, словно конфетти» [Там же]. Испуг и страх за дочь подтолкнули беспомощную Шидзуку к трагическому шагу, сопровождаемому шорохом бумажных клочков предсмертной записки: «Они разлетались по комнате, словно белые лепестки сакуры, а может, как рисовые лепешки со стропил нового дома» [Там же]. Доминантно мотив сна привязан к воспоминаниям героини, наполненным реальными картинами жизни. При более детальном анализе компонентов сна (праздник постройки нового дома, белые лепестки сакуры, рисовые лепешки) вырисовывается иная картина бытия, выстроенного автором по эстетическому принципу японской классической литературы «моно-но аварэ» («грустное очарование вещей»). Подобная трансформация национального становится не только выразительной стилиевой чертой американской писательницы японского происхождения Киоко Мори, но и устойчивой приметой эстетики искусства Страны восходящего солнца с IX по XXI вв. Поэтому в памяти дочери остается прекрасный образ матери, гендерно обрамленный выцветшими красками старых кимоно, запахами ирисов и пионов, теплыми боками керамических чаш, уроками Красоты. Эпилог романа запоминается ожиданием встречи бабушки с Юки, предваренной сном о Шидзуку. Таким образом, сон матери о танцующей дочери в экспозиции и сон бабушки о своей дочери в эпилоге замыкают романное пространство метафорическим образом цикады, мгновенностью ее пребывания в вечности. Наблюдения за функционированием сновидений в японском романе констатируют определяющую роль национального компонента и выводят контент за рамки сна-воспоминания.

Понятно, что формирование эстетических закономерностей развития литературы в странах АТР происходит под влиянием традиционных культурных ценностей и аутентичного миропорядка. В современной корейской прозе все более рейтинговой становится женская проза, в которой выделяется имя писательницы Хан Ган. Роман «Вегетарианка», изданный в 2007 г., стал первым переведенным на английский язык произведением, удостоенным международной Букеровской премии в 2016 г.

Сюжет романа показывает современное общество Южной Кореи, продолжающее принуждать женщину подчиняться патриархальной иерархической системе. Сначала женщина должна угождать родителям, а затем – мужу, в противном случае они имеют право от неё отказаться. Авторский замысел заключен в рефлексивной локации протеста героини, выражающегося в вегетарианстве. Своеобразие образной структуры романа связано со сменой диалогов «говорящих» персонажей (отец, муж, сестра) и внутреннего монолога «молчащей» Ёнхе. А. Есин утверждает, что изображение внутреннего мира персонажа невозможно без использования повествования от первого лица [4]. Только в кошмарных снах Ёнхе слышен ее голос: «Приподняла соломенную циновку, висевшую вместо двери, и вошла. И сразу их увидела. Несколько сотен кусков мяса. На длинных бамбуковых перекладинах висели огромные красные туши животных. Из некоторых еще

капала не успевшая свернуться алая кровь... Где-то жарили мясо, раздавалась песня, звенел радостный смех. Но мне было страшно. Моя одежда по-прежнему в крови» [10, с. 25].

Хан Ган воспроизводит не только содержание сновидений, но и придает им эмоциональный тон. Напряженное состояние передается посредством создающих мрачную атмосферу особенностей речи, таких как сосредоточенность и использование коротких конструкций. Анализ лексики выявляет ключевые слова («темный», «холодно», «страшно», «никого», «замерзшее»), воспроизводящие чувство одиночества и незащищенности. Противопоставление героини обществу, вполне довольному обстоятельствами жизни, в тексте подчеркивается характерологической фразой «раздавалась песня, звенел радостный смех» [Там же].

Далее сновидения наводят героиню на размышления о собственных поступках, а также о природе насилия. Возникает запоминающийся натуралистический пласт текста, когда осознание гендерной принадлежности обозначается физиологическим признаком: «Единственное, чему я доверяю, – моя грудь. Я люблю свои груди. Потому что ими нельзя никого убить. Ведь и руки, и ноги, зубы и язык, и даже взгляд – это оружие, способное убить и нанести вред. А груди на такое не способны. У меня есть две такие круглые груди, и значит, все нормально. Пока все нормально. Однако почему мои груди все худеют? Теперь они не такие уж и круглые. Интересно, почему? Почему мое тело высыхает и высыхает? Что я собираюсь проткнуть, становясь такой острой?» [Там же, с. 63]. Хан Ган применяет прием потока сознания, показывая способность героини к рефлексии и то, как она справляется со своими хаотичными мыслями и переживаниями. Акцент внимания на женских грудях играет символическую роль в анализе самосознания главной героини. Женская грудь является одним из основных внешних признаков различия между женщиной и мужчиной, символизирует Мать-Природу, материнство и безопасность. Логичен вывод, что героиня ассоциирует себя с эпической Женщиной-воином, защищающей в современном социуме феминистическую свободу.

Писательница тщательно выстраивает амплитуду чувств героини, которая в снах проходит точку невозврата в реальность. Ужасающее описание сцены убийства собаки, совершенного отцом героини, показывает её психическое состояние на грани бредового иступления. Читателю неизвестно, является ли отрывок воспоминанием из трудного детства Ёнхе или игрой воспаленного сознания. Хан Ган обращается к натурализму для подробного художественного воспроизведения процесса и атмосферы сна, а также для усиления воздействия страданий героини в бессознательном состоянии. А. Есин [4] утверждает, что размытие границ между сознательным и бессознательным оптимизирует эмоциональный фон, когда кошмарные сновидения совмещаются со страшной реальностью. Так, традиционный сон-разоблачение усиливается специфическими метафорическими образами, исходящими из глубин женской природы, ее мистического наития (женщина – кусок мяса, грудь – острые кинжалы, «азиатское пятно» как признак по-детски чистого взгляда).

Сопоставительный анализ текстов художественных произведений показал:

1. Мотив сна в женском тексте позволяет глубже раскрыть психологическую рефлексию героини в утверждении своего «Я».

2. Опыт переосмысления дополняет существующую литературоведческую классификацию снов на материале произведений русской и зарубежной литературе XX-XXI веков. В ходе исследования учитывались гендерные характеристики, национальный менталитет, литературная традиция, авторская индивидуальность писательниц. Таким образом, авторская интерпретация античного мифа о Мееде позволила Л. Улицкой расширить сон-предчувствие до сна-провидения. Творческое обращение к классической традиции немецкого романтизма креативно обогащает философский контент сна в романе К. Вольф эмоциональным ареалом. Киоко Мори вписывает мотив сна-воспоминания в поэтику текста посредством национального эстетического принципа «мононо аварэ», сосредотачиваясь на его женском прочтении. Хрестоматийный сон-разоблачение в романе Хан Ган трансформируется в сон-метафору, воспроизводящий рефлексию женской души.

3. Намечена перспектива исследования сновидений как проявления сигнала гендерной локации в плане особенностей сюжета, композиции, образной системы, языковой структуры, характерных для стилистики женской прозы.

Стратегия современного литературоведения плодотворна в плане сопоставительного анализа произведений разнонациональных литератур для поиска идей, концепций, художественных средств, открытия новых имен. Материал статьи может быть практически использован на форумах, семинарах и конференциях по трансграничной культуре, в дистанционном образовании, активизации междисциплинарных связей по русской и зарубежной литературе.

Список источников

1. **Барашкова С. Н., Желобцова С. Ф.** Художественный мир женской прозы: монография. Якутск: Изд-во Якутского гос. ун-та, 2009. 118 с.
2. **Веселовский А. Н.** Приложение. <П.> Поэтика сюжетов. Введение. Поэтика сюжетов и ее задачи [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petsu.ru/filolog/lit/prilves1.pdf> (дата обращения: 31.01.2020).
3. **Вольф К.** Размышления о Кристе Т. М.: Радуга, 1988. 224 с.
4. **Есин А. Б.** Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. 176 с.
5. **Ефремова Т. Ф.** Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.
6. **Мелетинский Е. М.** Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1983. Вып. 635. С. 115-125.

7. **Мори Киоко.** Дочь Шидзуко [Электронный ресурс]. URL: <https://www.labyrinth.ru/books/120237/> (дата обращения: 10.01.2020).
8. **Назирова Р. Г.** Творческие принципы Достоевского. Глава 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://nevmenandr.net/scientia/pazirov-book.php#ch11> (дата обращения: 31.01.2020).
9. **Улицкая Л.** Медя и ее дети. М.: Эксмо, 2004. 275 с.
10. **Хан Ган.** Вегетарианка / пер. с кор. Ли Сан Юн. М.: АСТ, 2018. 320 с.

Gender Representation of Dream Motive in the Russian and Foreign Women's Prose

Zhelobtsova Svetlana Fedotovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Barashkova Svetlana Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
beta-sigma-no@mail.ru

Relevance of the study involves the functional comparative analysis of universal content of the Russian and foreign literary works. The research objective includes identifying the text-formative role of gender representation of the dream motive in novels' poetics. The paper aims to examine the latest tendencies of the global literary process. Heroines' gender motivation is considered through the lenses of the Russian, West European and Eastern cultures. Originality of the research lies in the correlation analysis of literary texts of different styles and epochs.

Key words and phrases: L. Ulitskaya; Ch. Wolf; K. Mori; Han Kang; style; genre; poetics; gender; psychologism; women's prose; motive of dream; global literature; national traditions.